

DOI 10.25991/VRHGA.2024.2.2.018

УДК: 130.2+821.161+27

*Н. С. Ищенко**

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ГОТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ ЕЛЕНА ХАЕЦКОЙ «ЛЕТАЮЩАЯ ТЭКЛА»

В статье исследуется центральное место телесности в формировании социальности в фантазийной повести русской писательницы Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» (2007). Повесть принадлежит к русской историософской литературе рубежа XX–XXI вв. и строится на обыгрывании жанра готического романа. Осмысление русской истории происходит в трех контекстах: в мессианском изображается постапокалиптический мир, в цивилизационном показано взаимодействие империи и органических наций, в культурном жизненный путь понимается как инициация. В художественном мире романа телесность строится по христианскому типу: не существует души без тела, но тело занимает подчиненное положение в духовной иерархии. Христианская антропология повести обосновывает социальную структуру империи. Римская империя, включающая в себя Арденнский лес, символизирует Россию, восстанавливающую государственность после исторических катастроф на основе христианского понимания телесности.

Ключевые слова: русская литература, постапокалипсис, миф истории, готический роман, телесность, Елена Хаецкая.

N. S. Ishchenko

CHRISTIAN PHYSICALITY IN ELENA KHAYETSKAYA'S GOTHIC NOVEL "THE FLYING TEKLA"

The paper focuses on the central place of physicality in the formation of sociality in the fantasy story of the Russian writer Elena Khayetskaya "The Flying Tekla" (2007). The story belongs to the Russian historiosophical literature of the turn of the XX–XXI centuries and is based on playing the genre of the Gothic novel. The understanding of Russian history in

* Ищенко Нина Сергеевна — канд. филос. наук, ninaofter@yandex.ru, Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова, Российская Федерация, 291008, Луганская Народная Республика, Луганск, г. о. Луганский, р-н Артемовский, тер. ЛНАУ, д. 1.

Ishchenko Nina S. — Cand. Sci. in Philosophy, ninaofter@yandex.ru, Lugansk State Agrarian University named after K. E. Voroshilov, c. d. Lugansky, Artyomovskiy district, ter. LNAU, 1, Lugansk, Lugansk People's Republic, 291008, Russian Federation.

the story takes place in three contexts: the Messianic depicts a post-apocalyptic world, the civilizational shows the interaction of empire and organic nations, the cultural way of life is understood as initiation. The Christian anthropology of the story substantiates the social structure of the empire, and organic nations are shown as self-destructive communities. The Roman Empire, which includes the Ardennes Forest, symbolizes Russia, which is restoring staethood after historical catastrophes based on the Christian understanding of corporeality.

Keywords: Russian literature, post-apocalypse, myth of history, Gothic novel, physicality, Elena Khayetskaya.

Введение

Осмысление истории, создание образа себя и своего народа является способом трансляции культурной памяти и сохранения народного самосознания. Актуальность этих процессов повышается в период социокультурных трансформаций, переживаемый Россией после начала СВО в 2022 году. В русской культуре осмысление истории происходит в художественной прозе. Рассмотрим, какие представления об истории содержатся в повести Елены Хаецкой «Летающая Тэкля» (2007) [21].

Целью исследования является изучение представления об историческом развитии России в фэнтезийной повести современной писательницы Елены Хаецкой. Методологической основой исследования является постмодернистский подход к конструированию национального, семиотический подход к восприятию истории, используется структурно-семантический анализ литературы и коммуникативный подход к литературному произведению, отражающему национальный миф.

Исследование строится на основе работ Т. Н. Бреевой, объектом исследования которой является русский историософский роман рубежа XX–XXI вв. [6]. Жанр фэнтези и готический роман как один из его элементов изучали Е. А. Сафрон [16] и Б. Р. Напцок [14; 15]. Темпоральный режим модерна и конец эпохи больших нарративов исследованы в работах А. Ассман (Aleida Assmann) [1], Ж. Бодрийяра (Jean Baudrillard) [5], Д. Г. Горина [9], Б. Г. Соколова [18]. Телесность в восточно-христианской догматике и культуре проанализировала М. А. Ершова [12]. Диалектика взаимодействия государства и нации является предметом исследования М. Вольцера (Michael Walzer) [27] и Я. Эгберта (Jahn Egbert) [25]. Влияние конца истории на общественное сознание изучал З. Бауман (Zygmunt Bauman) [2]. Имперская идея в русской истории проанализирована с учетом результатов, полученных Н. В. Сеницыной [17], Б. А. Успенским [19], К. Ю. Ерусалимским [11], А. М. Лобиным [13]. Указанный комплекс методов позволяет исследовать русский осмысление русской истории в историософской прозе рубежа веков на примере «Летающей Тэклы» и указать роль христианской концепции телесности в созданном писательницей мире.

Фэнтези и готический роман

Осмысление истории происходит в русской литературе начала третьего тысячелетия в историософском романе, который исследует Т. Н. Бреева в диссертации «Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности» (2011). [6] Историософский роман раскрывает смысл

истории через описание мира, в котором действуют герои, и их личную судьбу. Поскольку художественная литература о разных вариантах истории описывает в числе прочего альтернативные и несостоявшиеся миры, в историософском романе видное место занимает фэнтези. Фэнтези — это новый жанр, восходящий к литературе романтизма, моделирующий реально не существующий мир на переосмыслении реального культурного фона, которым является современное общество, часто культура средневековья [4, с. 105–106]. Одним из жанров, повлиявших на становление фэнтези, является готический роман [8].

Готический роман возник в Англии рубежа XVIII и XIX вв. Характерные особенности готического романа — преобладание сюжетного начала над описательным и действия над героем. Слово «готический» восходит к номинации северных германских племен — готов, которые вторглись в Римскую империю между IV и VI вв. н. э. и разрушили классическую античную культуру. После уничтожения классического античного искусства, создавшего, по мнению европейцев эпохи Просвещения, эталоны красоты для всех времен и народов, готы создают так называемое варварское средневековое искусство. К концу XVIII в. готическим называется все, что связано с веком варваров, Средневековьем. В литературном смысле готический роман связан со средневековым рыцарским романом, основными темами которого являются героический подвиг и этическая проблематика [14]. Покажем, как эти особенности жанра формируют художественное пространство повести Елены Хаецкой «Летающая Тэкла» (2007).

Повесть «Летающая Тэкла» (2007) — фэнтезийное произведение о постапокалиптической истории. Действие происходит в мире после ядерной катастрофы, в результате которой многие люди мутировали, а телесную форму Адама смогли сохранить только некоторые патрицианские семьи. Сюжет разворачивается в Арденнском лесу, который является частью Римской империи. В империи сохранился социальный строй, соответствующий первым векам христианской Римской империи нашего мира (IV–V вв.), а в Арденнском лесу проживают разнообразные готские мутантские племена. Путь патриция Альбина Антонина через Арденнский лес и его встреча в лесу с мутанткой Тэклой и составляют сюжет повести.

Итак, действие происходит в период вторжения готов в Римскую империю и уничтожения высокой античной культуры. Однако мир Хаецкой — альтернативный нашему, она не описывает исторические события, а выстраивает другой мир на основе римско-готской культуры. Сюжетная линия раскрывает основную тему рыцарского романа — героический подвиг в волшебном мире. Таким образом, перед читателем готический роман в двух смыслах — и как жанр, и как история о готах. Возвращение к истокам и жанра фэнтези, и национальных не имперских культур позволяет писательнице создать оригинальное историософское произведение.

Код и миф истории

В русской историософской литературе XX–XXI вв. формируется единая внутренне упорядоченная система, структурным ядром которой является русский национальный миф, включающий код истории и миф истории [5, с. 5,

8]. Код истории представляет собой существующие в обществе идеи о философии истории, развитии общества и цели такого развития, в то время как миф истории — это индивидуально-авторское видение истории и ее смысла.

Код истории реализуется в тексте как символическая модель линейной концепции истории [6, с. 13]. Особенность русской художественной прозы рубежа тысячелетий заключается в том, что она существует в ситуации конца истории.

Конец истории представляет собой феномен культуры конца XX — начала XXI вв., и означает завершение эпохи рациональных моделей истории [9, с. 13]. Эпоха рациональных моделей истории в обществах модерна началась в XVIII в. с утверждением рационализма и ориентации на горизонт ожидания в развитии общества. В этот период сформировалась культурная ориентация на прогресс, порождаемый индустриализацией, расширением производства и неуклонным увеличением ресурсов общества, что способствовало распространению больших исторических нарративов о прогрессе, росте цивилизованности, движению обществ к социальному и так далее. Движение общества к идеалу считалось имманентным, подтвержденным научно и неизбежным, расхождения больших исторических нарративов были в изображении идеала прогрессивного развития, но сама идея прогресса оставалась неоспоримой [9, с. 10]. В этот период будущее влияло на настоящее. Такое представление о времени в общественном сознании называется темпоральным режимом модерна.

Как показала А. Ассман, с конца XX в. темпоральный режим модерна, ориентированный на исторический прогресс, активно разрушается [1]. Событием, положившим начало разрушению в общественном сознании больших исторических нарративов, стала Первая мировая война и последующие за ней войны и революции в Европе, включая Вторую мировую войну с огромными человеческими жертвами из-за применения новых видов оружия, созданного учеными. Если до Первой мировой войны в европейском обществе господствовали идеалы Просвещения, уверенность в том, что развитие науки способствует моральному прогрессу, а в XX в. уже не будет больших войн, поскольку мир слишком цивилизован для этого, то после Первой мировой войны миф о прогрессе теряет свою значимость. Его полное крушение происходит после Второй мировой войны и применения атомной бомбы Соединенными Штатами Америки. К концу XX в. осмысление человеческой истории происходит в условиях потребительского капитализма и растущей цифровизации.

Согласно гипотезе Ж. Бодрийяра, в новых условиях цифрового мира и потребительского капитализма история не может существовать в отрыве от своей медийной версии, позволяющей постоянно корректировать и переписывать прошлое. Такая вечно меняющаяся версия истории становится симуляцией, утрачивает связь с реальностью и ориентируется на требования не научной достоверности, а успешного потребления [5, с. 15–17].

Поскольку медийная симуляционная модель истории корректируется в связи с потребностями сегодняшнего дня, то возникает ощущение, что прошлое не прошло, а сливается с растянутым настоящим. Осмыслить опыт прошлого невозможно, поскольку оно не закончилось. Настоящее перестает переживаться как переход к будущему, а будущее, в свою очередь, также распадается

на фрагменты, не объединенные в единую систему [9, с. 12–13]. В результате идея прогрессивного развития сменилась культурной ориентацией на ретротопию — представление будущего как незаконченного прошлого в ситуации вечной незавершенности и неустойчивости [3, с. 21].

Как показывает З. Бауман, одним из значимых вариантов ретротопии становится реабилитация трибализма — племенного стиля жизни. Это происходит благодаря диалектике государства и соседства, исследованной Майклом Волцером. По его наблюдениям, многонациональные империи строились по принципу конгломерата соседств, охраняемых сильным государством. Только когда государство гарантирует законность и порядок для всех групп, независимо от их идентичности, группы могут не брать на себя функцию самозащиты и применения насилия, и развиваться свободно [27, с. 38]. Глобализация ослабила государства, а в результате индивид остался без защиты. Помощь, поддержку, социальный и культурный капитал он должен искать в других сообществах, и в первую очередь это сообщества этнические, сохранившие какие-то структуры управления вне государственной жизни [2, с. 56–88]. Племя и государство разделяют функции по структурированию общества: сильное государство гарантирует культурное разнообразие, слабое государство вынуждает племена к замыканию в себе и отталкиванию других культур. Идеал племенной группы в таком случае ищется в прошлом и проецируется на будущее. Этот же процесс осмысливается и выражается в литературе.

Итак, код истории в современной литературе определяется следующими характеристиками: конец больших нарративов (рациональных моделей прогрессивного развития), смена прогресса как цели истории на ретротопию, фрагментация будущего, диалектика государства и племени. Как показала Т. Н. Бреева, код истории моделирует национальный миф в контексте трех основных нарративов: мессианского, цивилизационного и культурного [6, с. 8–9].

Мессианство как постапокалипсис

Историософский роман рубежа веков демонстрирует новый тип мессианского целеполагания.

В религиозном смысле мессианство — это вера в пришествие Мессии, то есть Спасителя, который установит в мире Царство Божие, отличающееся от несправедливого общественного порядка, созданного людскими силами. В обществах модерна мессианство стало означать представление об особой роли какого-либо народа или государства в изменении к лучшему хода мирового развития, улучшении общества, решении кризисной ситуации [7, с. 483]. Завершение или разрушение старого порядка вещей и смена его новым воспринимаются и описываются по апокалиптическим моделям как конец света, связанный с приходом Мессии. В апокалиптическом дискурсе Мессия может выступать и как выдающаяся личность, и как коллектив — определенный народ, ведущий общество по пути всемирного прогресса. В ситуации же исчезновения больших исторических нарративов трансформируется и мессианство. Конкретный народ не может вести все народы по пути прогрессивного развития, поскольку осознание развития исчезло в мире, где смешались про-

шлое и будущее, а настоящее не воспринимается как переход от былых времен к новому времени. Апокалиптический дискурс разрушается.

Смыслы истории в культуре рубежа веков ищутся в имманентных свойствах бытия [6, с. 30–31]. Конец света в форме того или иного разрушения современного несовершенного общества символически уничтожается, отодвигается в невидимую даль или переносится в прошлое и перестает играть роль в текущих событиях истории. Современный человек живет после конца света, в постэсхатологическом и постисторическом мире, лишенном смысла и направления развития [18]. В мессианском нарративе рубежа веков конец света произошел, но ничего принципиально не изменилось. На этой основе строится авторский миф истории. Проанализируем мессианский миф истории в произведении «Летающая Тэкла».

Включение произведения в литературный, философский и исторический контекст происходит с помощью эпитафий. Эпитафией к «Летающей Тэкле» являются две строчки из солдатской песни:

Арденнский лес, Арденнский лес,
Ты как большой могильный крест.

Такая песня, посвященная Первой мировой войне, действительно существует, но называется «Аргоннский лес». Песня написана Германом фон Гордоном в 1915 г. [26]. Песня известна и популярна в течение XX в., поэтому изменение названия леса не является случайным.

В Аргоннском лесу в ходе Первой мировой войны происходили позиционные бои местного значения между немецкой и французской армиями. Арденнский же лес прочнее закрепился в культурной памяти. Арденнский лес является местом кровопролитных битв Первой мировой войны и выстужает местом памяти во Франции [22, с. 19]. В Первой мировой войне германские войска провели в этом лесу успешную операцию против Франции, а во Второй мировой войне через Арденны шло наступление союзников на Германию, и бои в Арденнах в 1944–1945 гг. стали самым громким поражением Германии на Западном фронте. Таким образом, Арденнский лес является символом двух мировых войн, разрушивших миф о прогрессе, который несет всем народам земли европейская цивилизация.

В ситуации разрушения большого исторического нарратива о прогрессе прошлое фрагментируется и смешивается с будущим. В повести Хаецкой прошлое Римской империи переносится в будущее, и фрагмент средневековой истории становится миром после ядерной катастрофы. Место прогресса занимает ретротопия, то есть в культурном аспекте реабилитируется жизнь готских племен под властью империи. Готская ретротопия в повести отсылает читателя к цивилизационной проблематике — взаимоотношению империи и нации.

Цивилизаторская миссия империи

А. М. Лобин в монографии «Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века» (2015) показывает, что историческое развитие России и становление русской цивилизации в произведениях авторов исследуемого периода всегда связано с осмыслением роли государства и переломных

этапов его развития [13]. В повести Хаецкой государством является Римская империя, которой подчиняются различные мутантские племена.

Одним из способов актуализации имперского наследия в русской истории и литературе является концепция Москвы как третьего Рима, впервые сформулированная в посланиях псковского монаха Филофея. Послания переведены и исследованы Н. В. Синицыной в монографии «Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции: (XV–XVI вв.)» [17]. В христианской эсхатологии Римская империя занимает особое место, поскольку именно в Римской империи разворачиваются события, описанные в Апокалипсисе (Откровении) Иоанна Богослова, последней книге Библии. Римская империя в период своего существования в нашей истории имела две столицы — Рим и Константинополь. В 1453 г. Константинополь пал под ударами турок, и Римская империя как реально существующее государство исчезла с карты. Чтобы примирить реальность с религиозным откровением, Филофей предлагает понимать Рим как независимое православное государство, и в таком случае под это определение подходит Московское царство, которое после падения Константинополя является в сознании русских единственным православным царством на земле [19].

Утверждению концепции Москвы как третьего Рима в общественном сознании способствовало отпадение Константинополя от православия в ходе Ферраро-Флорентийской унии с Католической церковью в 1437–1445 гг., после чего Константинополь утратил статус православной империи и закономерно был завоеван турками. Важным этапом становления концепции третьего Рима постфактум стал брак великого князя московского Ивана III с Софьей Палеолог, наследницей последнего императора Константинополя, в 1472 г. [11, с. 120–121].

Особенно активно концепция стала обсуждаться в конце XIX в. и с тех пор не исчезает из русского общественного сознания и русской литературы. В настоящее время в русской литературе образ Москвы как третьего Рима, а России как империи реализуется в виде повышенного внимания к истории Рима первого и второго, то есть Римской империи до разделения на Западную и Восточную в 395 г., а также особенно Восточной Римской империи, получившей в XVIII в. в трудах западных историков название Византии. Художественное изображение Римской империи и Византии, их культурной, политической и религиозной жизни является формой реализации цивилизационного мифа империи в русской литературе.

Наряду с этим разрушение империи в Европе варварами в период готского нашествия рассматривалось в эпоху романтизма как торжество национального начала над универсальным. Общий для всех имперский код рушится под натиском национальных культур, выражающих народный дух. Эта ситуация характерна для периода зарождения романтизма, а не для той готической средневековой эпохи, которую писатели-романтики описывали в своих произведениях. Тем не менее в этот период в общественном сознании и в национальных литературах утверждается миф, повлиявший и на историческую науку последних двух столетий: миф о нациях, разрушающих империи.

В эпоху романтизма начинает складываться два понимания нации: французское и немецкое, то есть гражданское (государственное) и органическое

(культурное). Гражданская нация — это все граждане данного государства, независимо от этнической принадлежности. Органическая нация понимается как единый культурный организм, созданный определенным этносом. Считается, что подлинное владение национальной культурой доступно только для людей того же этноса, то есть в органической нации нужно родиться, в нее нельзя включиться по гражданским основаниям [25, с. 24]. Торжеством и одновременно первым большим потрясением концепта органической нации стало немецкое нацистроительство в XIX–XX вв., завершившееся двумя мировыми войнами.

Эпоха романтизма возникла как реакция на универсальные ценности Просвещения, способные обосновать как имперский идеал, так и гражданскую нацию. В век Просвещения возникла идея, важная для романтиков и существующая в общественном сознании до настоящего времени, а именно представление о том, что нации, как гражданские, так и органические, являются демократическими по своей сути и на этом основании ведут борьбу с империями, которые стремятся подавить всякую личную свободу.

Только после краха немецкого национализма философы, политологи, социологи обратили внимание на то, что нация определяет форму доступа к элите, но не форму правления, которую эта элита осуществляет. Национальное государство может быть любым: демократическим, монархическим, авторитарным и так далее [25, с. 22]. Именно реализация демократических принципов для органической нации максимально затруднена, поскольку доступ в правящую элиту предоставлен только представителям титульной нации, а все другие нации в этнократическом государстве изначально поражены в правах [20]. Рубеж тысячелетий стал концом многих мифов о нации и империи, что привело к повышению интереса к этим темам в научных кругах.

Рассмотренная проблематика отражена и в повести Хаецкой. В произведении показан период мифологического зарождения наций в Европе в столкновении с Римской империей. В постапокалиптическом мире «Летающей Тэклы» выбор сделан в пользу империи. Конец света не уничтожил империю, она возродилась после ядерной катастрофы. В ней сосуществуют разные племена, чья культура основывается на разделении на мутантов и патрициев, сохранивших телесный облик Адама. Разные группы имеют разные права и обязанности в империи в зависимости от близости к телесному эталону. Отклонения от телесной нормы явны и неустранимы, то есть племена Хаецкой строятся по органическому принципу. Все племена являются христианскими, но не принадлежат единой церкви. В повести упоминаются Объединенная Мутантская Церковь и Кафолическая Церковь Готфского Обряда [21, с. 446]. Все церкви сосуществуют в империи, как и все племена. Сильное государство создает пространство для культурного и религиозного разнообразия.

Таким образом, в повести Хаецкой цивилизационный миф русской истории возникает как универсальная христианская империя, выжившая после ядерной катастрофы. Империя объединяет разные органические нации и разные церкви. Римская империя включает в себя и Арденнский лес, символ двух мировых войн и конца больших исторических нарративов. Даже после разрушения мифа о прогрессе Римская империя в повести Хаецкой сохраняется. Наряду с общей христианской эсхатологической концепцией о Римской империи, значимой

символической деталью является внешний вид Тэклы и ее имя: девушка носит кокошник, а ее имя в другой огласовке — Фёкла, популярное в России до XX в., периода потрясений и апокалиптического разрушения. Эти детали еще раз отсылают читателя к русской культуре и Российской империи, совпадающей с Римской на символическом уровне.

Дорога через Арденнский лес как инициация

Рассмотрев мессианский и цивилизационный нарратив, обратимся к культурному коду и мифу повести. На уровне культурного кода больше всего проявляется мифологическая картина мира, уникальная для каждого народа. Для экспликации культурного кода используются мифологические образы, лежащие в основе народного мировоззрения. Как показывает В. Г. Шукин, традиционное русское видение мира по преимуществу пространственно [24, с. 170]. Важнейшей формой освоения пространства человеком является дорога.

В русском фольклоре дорога связана с образом мирового дерева и обрядом инициации — перехода между социальными группами через символическую смерть и новое рождение. Дорога представляет собой опрокинутое на землю мировое дерево, соединяющее миры. Также дорога постоянно стремится перестать лежать и подняться до неба, то есть изменить свое состояние, пройти инициацию [23, с. 146]. То же самое касается человека, идущего по дороге. Выражение «жизненный путь» мифопоэтически связано с образом дороги. Дорога в мифологической картине мира — это путь не только между географическими локациями, но и между местами в социальном пространстве. Пройдя дорогу, герой меняется внутренне. Дорога — это всегда инициация, путь взросления.

Как показывают исследователи современного фэнтези, мотив Пути-Дороги из волшебной сказки, попадая в фэнтези, становится самостоятельным полноценным сюжетом Поиска (квеста) [16, с. 228]. Дорога в квесте выступает как судьба, сама выбирающая героя [16, с. 122].

Сюжет «Летающей Тэклы» — это дорога патриция Альбина через Арденнский лес. Арденнский лес связан не только с битвами мировых войн XX века и концом мифа о прогрессе. Арденнский лес — это пространство действия в комедии Шекспира «Как вам это понравится». В английском готическом романе XVIII–XIX вв. творчески переосмыслены многие образы Шекспира, оказавшиеся востребованными в эпоху романтизма, для которой характерен интерес к индивидуальности как личной, так и народной. Основные шекспировские идеи, воспринятые авторами-романтиками, следующие: призраки, борьба человека против судьбы, город и дворец как средоточие порока, интриг, эгоизма. В готическом романе интертекстуальность обеспечивают шекспировские реминисценции, важнейшей из которых является Арденнский лес [15]. Лес символизирует противоположность городу и царскому двору, где человек ограничен условностями, уродующими его жизнь. В лесу эти условности спадают, и человек может быть самим собой. В лесу воссоздается золотой век, в лесу герои находят настоящую любовь.

Шекспировские идеи, модифицированные в готическом романе, значимы и для поэтики Хаецкой. Арденнский лес — это место приключений, встречи Альбина и Тэклы, зарождения их любви. Дорога через Арденнский лес закан-

чивается свадьбой, то есть классическим финалом инициационного сюжета. Герои встретили свою судьбу, победили в борьбе, обрели зрелость и сменили свой социальный статус.

Арденнский лес остается для обоих волшебным пространством сказки, иного мира, где сталкиваются разные пространства и где все возможно. Завершается повесть превращением персонажа в автора и созданием личной модели Арденнского леса: Линкест, раб Тэклы, сопровождавший ее в пути, делает для нее невероятной красоты прялку, изображающую всех встреченных путешественниками в Арденнском лесу. Сам Линкест изображен в уголке прялки, а его хозяйка Тэкла — в виде утка:

«А Тэкла в эту ночь так и не заснула. Она уже давно составила в уме узор для тканого покрывала и жадно работала — и всю ночь, и весь день назавтра... И еще невероятно много счастливых дней деревянная резная Тэкла бесконечно повторяла путешествие по Арденнскому лесу, словно бы навсегда оставшись в этом самом прекрасном времени ее жизни» [21, с. 510].

Так Тэкла становится героиней истории о дороге через Арденнский лес одновременно и в жизни, и в искусстве.

Христианство о теле

Фольклорный миф об инициации модифицирован в повести христианскими идеями. В средневековой немецкой литературе, воспринятой и переработанной готическим романом, лес выступает как символ преграды, стоящей перед человеком. Лес всегда влияет на менталитет местных жителей. Разные приключения в лесу символизируют ловушки нечистого, который материализуется в образе Короля Леса [3, с. 122]. В повести Хаецкой разные обычаи и языки обитателей леса интегрированы в христианскую культуру. Все жители леса — христиане, хоть и разных номинаций, а противостояние с Королем Леса Метробиусом строится вокруг христианской проблематики — роли телесного в человеке.

Метробиус — летальный мутант, то есть представитель самой незащищенной социальной группы. Метробиус создал в лесу лабораторию для решения проблемы телесного бессмертия и сохранения сознания. Как говорит сам Метробиус, «голый разум создает индустрию тела» [21, с. 433].

Подручные Метробиуса похищают людей в лесу, а Метробиус использует их генетический материал для создания бессмертного тела, куда бы он мог поместить свое сознание. Попутно решится и проблема бессмертного человечества с заданными телесными параметрами. На данный момент Метробиусу удалось создать клоны Корнелия Суллы, несколько линий телесно идеальных людей, чей срок жизни, однако, ограничен несколькими годами. Клоны лишены детства и юности, однако обладают идеальным телом. В постапокалиптическом мире, основанном на телесности, они могут стать особым этносом и претендовать на высшую власть.

В повести помимо Метробиуса действуют другие летальные мутанты. Это братья и сестры из Ордена воинствующего милосердия летальных мутантов во имя прокаженных королей [21, с. 458]. Орден создан Кафолической Церко-

вью Готфского Обряда для того, чтобы дать возможность летальным мутантам совершать добрые дела, заменяющие им детей.

Итак, в повести представлены два полюса телесности: совершенное тело, подобное Адаму, и уродливое тело летальных мутантов. Каждый полюс представлен двумя антагонистами: с одной стороны, патрицием Альбином и клонами Суллы, а с другой стороны — Метобиусом и братьями Ордена воинствующего милосердия. Проанализируем эти два полюса в контексте христианской телесности.

Телесность является одной из важнейших тем христианства. Телесное воскресение обсуждают христианские богословы с самого появления богословия в Римской империи [10]. Это решающее отличие от темы бессмертия души, развиваемой со времен Платона в античной философии.

Учение восточного христианства о теле анализирует М. А. Ершова. В христианском богословии тело отличается от плоти. Плоть понимается как материя человеческого тела, а тело является формой организации этой материи. Плоть тесно связана с душой и без нее немислима, то есть плоть — это живая материя. Такое понимание плоти в православном христианстве никогда не оценивается негативно. Существует и второе понимание плоти как испорченности природы человека. В этом смысле плоть понимается церковным сознанием как рассадник греха, имеющего духовную природу и возникающие из-за плоти — испорченной природы человека. Как подчеркивает М. А. Ершова, «плоть в значении испорченности природы человека, православной антропологией в целом и аскетикой в частности не отождествляется с телом или материей» [12, с. 138].

В православной антропологии тело достойно соединения с Богом, что подтверждает воплощение Христа. Православие признает тело человека достойным соединения с богом и обожения, преобразования. Также в православии смерть рассматривается как явление, не заложенное в природу человека при творении, то есть чуждое человеку, приходящее извне. Поскольку смерть есть разлучение души с телом, такое разлучение в православной антропологии неестественно. Душа и тело человека изначально предназначены для совместного существования в вечности. В Царство Небесное человек войдет целиком [12, с. 139].

Итак, тело человека само по себе не греховно, однако в силу грехопадения является орудием греха. Лишившись духовного руководства, тело обуреваются страстями, и освобождение от греха включает восстановление духовной иерархии: тело должно управляться душой, а душа — Богом. Только гармоничное сочетание духовного делания и телесных подвигов позволяет восстановить утраченную иерархию и восстановить утраченную целостность человека [12, с. 145].

Итак, с точки зрения христианской антропологии, достижение бессмертия путем переселения души в разные тела — заведомо порочный путь, аналог не бессмертия, а смерти, поскольку включает в себя разлучение души и ее тела при переселении. Этот путь, выбранный Метобиусом, никуда не ведет.

Созданные Метобиусом клоны Суллы имеют идеальное тело, но полностью исключены из духовной иерархии: они не принадлежат церкви, не управляют телом, подавляя свои страсти, идут на преступление ради собственного бессмертия, то есть, эталонное тело не уберегает их от греха. Создание соседства,

племени, новой социальной страты для них также оказывается невозможным: всю свою короткую жизнь они проводят в страхе, ссорах и интригах. Для них нет ничего важнее жизни, что и разрушает всякую социальность.

Летальные мутанты из Ордена воинствующего милосердия имеют такое же несовершенное тело, как и Метробиус, но они восстанавливают духовную иерархию: принадлежат Церкви, выполняют орденские обеты, стремятся помочь, а получить выгоду для себя. Поэтому им удается то, что не удалось Метробиусу: спасение не как бессмысленное бессмертие тела без души или души без тела, а преобразование тела и души, прообразом которого становится их встреча с патрицием Альбином. Кроме эталонного тела, патриций имеет еще и навык поддержания духовной иерархии в себе и в обществе вокруг себя. Цель его жизни — служение несчастному мутированному человечеству [21, с. 495]. Альбин не одержим мыслями о собственном бессмертии и благополучии, и благодаря этому общество вокруг него нормализуется. Альбин смог увидеть в братьях Ордена их истинную сущность:

«Тогда они один за другим стали сбрасывать капюшоны. И Альбин увидел их в ярком электрическом свете. Страшные, жалкие, покрытые пятнами и бородавками, обожженные, в шрамах, ставшихся после операций. Альбин глядел в эти жуткие лица, не стыдясь и не пугаясь, прямым испытующим взором. И каждому он уделял ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы сквозь отвратительную оболочку проступило нечто истинное.

И теперь, рассматривая братьев, Альбин настойчиво выискивал в их безобразных чертах облик истинного, глубинного человека. И этот облик открывался ему, как будто усилием воли патриций прекращал некое искажающее бурление среды и начинал смотреть сквозь фокусирующую линзу. Братья же встречали взгляд патриция смело и доверчиво» [21, с. 504].

Итак, телесность в повести Хаецкой рассматривается с христианских позиций. Тело не темница души и не гарантия создания прочной социальности, нового племени. Тело существует в гармонии с душой и в случае восстановления духовной иерархии помогает человеку освободиться от греха.

Выводы

Повесть Хаецкой «Летающая Тэкла» относится к русской историсофской художественной литературе рубежа тысячелетий. Она отражает ситуацию конца больших нарративов с ее ретроптопией, фрагментацией будущего, диалектикой государства и племени. Моделирование русской истории в повести происходит в мессианском, цивилизационном и культурном контекстах с большим влиянием христианского представления о телесности.

Повесть отражает постапокалиптическое видение мира после ядерной катастрофы, построенного по образцу Римской империи периода нашествия готов. Сильная имперская власть в этой готической повести обеспечивает культурное и религиозное разнообразие в обществе. Империя и ее племена являются христианскими. Этноты строятся на органической основе, по степени телесного совершенства. В то же время в повести понятие органической нации разрушается изнутри: по телесным признакам патриций и клоны Суллы принадлежат одной нации, а Метробиус и братья Ордена — другой, однако

по принципу воссоздания духовной иерархии в личной и общественной жизни к одному сообществу принадлежат патриций и братья Ордена, Метробиус и клоны. Дорогая через Арденнский лес, символ конца прогресса и шекспировское пространство свободы, является инициацией для патриция Альбина и летающей Тэклы. Русская история в повести Хаецкой предстает как история империи, выжившей даже после конца света, объединяющей разные культуры и племена на основе христианского понимания телесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Распалась связь времен?: взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 156 с.
3. Бачурин Д. А. Особенности средневекового мышления в немецкой легенде «белый всадник» // Гуманитарное образование: история, традиции, перспективы: сборник научных трудов. Вып. 4. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2016. С. 76–78.
4. Белоглазова Е. В. Функционирование ксенонимов-русизмов в литературе жанра фэнтези // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 105–110.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
6. Бреева Т. Н. Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Бреева Татьяна Николаевна. Екатеринбург, 2011. 36 с.
7. Вьюнов Ю. А. Русское мессианство как фактор межкультурной коммуникации в историческом контексте // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 481–494.
8. Гоголева С. А. Влияние готического романа на жанр фэнтези и его роль в становлении жанра // Наука и образование. 2007. № 3. С. 166–167.
9. Горин Д. Г. Трансисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, № 2 (18). С. 8–20. DOI 10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20.
10. Евланникова И. В. Проблема человека в контексте восточно-христианской духовной традиции // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 5 (48). С. 32–35.
11. Ерусалимский К. Ю. Третий Рим: взлет и закат апокалиптического мифа // Mare Nostrum. 2021. № 2. С. 119–167.
12. Ершова М. А. Брат тело: проблема тела в православной антропологии // Вестник Гуманитарного университета. 2022. № 3 (38). С. 136–147. DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).13.
13. Лобин А. М. Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2015. ISBN 978-5-9795-1404-8.
14. Напцок Б. Р. Английский «готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 139–144.

15. Напцок Б. Р. Шекспировские реминисценции в «готических» текстах // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: материалы международной научной конференции, Майкоп, 21–22 октября 2016 г. / Адыгейский государственный университет. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2016. С. 69–78.
16. Сафрон Е. А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX — начала XXI веков: специальность 10.01.01 «Русская литература»: дис. ... д-ра филол. наук / Сафрон Елена Александровна, 2022. 437 с.
17. Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
18. Соколов Б. Г. Постапокалипсис и постистория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, № 2. С. 274–288. DOI 10.21638/spbu17.2023.206.
19. Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — третий Рим» // Избранные труды. Т. I. — Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 83–123.
20. Фарукшин М. Х. Этнократия: зарубежный дискурс // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 44–50.
21. Хаецкая Е. В. Летающая Тэкла / Елена Хаецкая. Лисипп, или Песнь козлов (роман). Летающая Тэкла (повесть) (С. «Большая Фантастика»). Луганск: Максим, Шико; М.: Снежный Ком М, Вече, 2013. С. 381–510.
22. Чупрасова Д. С. Поездка на фронт: исторический туризм по следам Первой мировой войны (отечественный и европейский опыт) // История и археология: Материалы VI Международной научной конференции, Казань, 20–23 ноября 2018 г. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Молодой ученый», 2018. С. 18–21.
23. Шестеркина Н. В., Рогачев В. И. Мифопоэтика дороги (на материале народных русских загадок) // Вестник славянских культур. 2020. № 58. С. 138–150. DOI 10.37816/2073–9567–2020–58–138–150.
24. Щукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе / В. Г. Щукин. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 157–460.
25. Эгберт Я. Государственная трансформация на востоке Европы. «Второе национальное возрождение» или национализм, национальные движения и образование национальных государств в поздне- и посткоммунистической Европе с 1985 года // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3 т. / [Под общ. ред. Я. Эгберта]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 17–89.
26. Pionierlied. Melodie & Text — Hermann Albert von Gordon, 1915. Available at: URL: <http://ingeb.org/Lieder/argonner.html> (accessed: 22.02.2024)
27. Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y.: Basic Books, 1983. ISBN 0-465-08190-8.

REFERENCES

1. Assman, A. (2017) *Raspalas' svjaz' vremen?: vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the connection of the times broken up? The rise and fall of the temporal mode of Modernity]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 272 s. (In Russian).

1. Bauman, Z. (2019) Retrotopija [Retrotopia]. Moscow: VCIOM. 156 s. (In Russian).
2. Bachurin, D. A. (2016) Osobnosti srednevekovogo myshlenija v nemeckoj legende "belyj vsadnik" [Features of medieval thinking in the German legend "the white horseman"]. In: Gumanitarnoe obrazovanie: istorija, tradicii, perspektivy: sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 4. Elec: Eleckij gosudarstvennyj universitet im. I. A. Bunina. S. 76–78. (In Russian).
3. Beloglazova, E. V. (2015) Funkcionirovanie ksenonimov-rusizmov v literature zhanra fjentezi [Functioning of xenonyms-Russianisms in the literature of the fantasy genre]. In: Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. № 1 (45). S. 105–110. (In Russian).
4. Baudrillard, Zh. (2006) Obshhestvo potreblenija: ego mify i struktury [Consumer Society: his myths and structures]. Moscow: Kul'turnaja revolucija; Respublika. 269 s. (In Russian).
5. Breeva, T. N. (2011) Konceptualizacija nacional'nogo v ruskom istoriosofskom romane situacii rubezhnosti [Conceptualization of the national in the Russian historiosophical novel of the situation of the frontier]: special'nost' 10.01.01 "Russkaja literatura": avtoreferat dis. ... doktora filol. nauk / Breeva Tat'jana Nikolaevna. Ekaterinburg. 36 s. (In Russian).
6. V'junov, Ju. A. (2020) Russkoe messianstvo kak faktor mezhkul'turnoj kommunikacii v istoricheskom kontekste [Russian Messianism as a factor of intercultural communication in a historical context]. In: Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda. № 1. S. 481–494. (In Russian).
7. Gogoleva, S. A. (2007) Vlijanie goticheskogo romana na zhanr fjentezi i ego rol' v stanovlenii zhanra [The influence of the Gothic novel on the fantasy genre and its role in the formation of the genre]. In: Nauka i obrazovanie. № 3. S. 166–167. (In Russian).
8. Gorin, D. G. (2021) Transistorizm i novyj rezhim temporal'nosti v sovremennoj istoricheskoj kul'ture [Transistorism and the new regime of temporality in modern historical culture]. In: Koncept: filosofija, religija, kul'tura. T. 5, № 2 (18). S. 8–20. DOI 10.24833/2541–8831–2021–2–18–8–20. (In Russian).
9. Evlannikova, I. V. (2009) Problema cheloveka v kontekste vostochno-hristianskoj duhovnoj tradicii [The human problem in the context of the Eastern Christian spiritual tradition]. In: Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. № 5 (48). S. 32–35. (In Russian).
10. Erusalimskij, K. Ju. (2021) Tretij Rim: vzlet i zakat apokalipticheskogo mifa [The Third Rome: the rise and decline of an apocalyptic myth]. In: Mare Nostrum. № 2. S. 119–167. (In Russian).
11. Ershova, M. A. (2022) Brat telo: problema tela v pravoslavnoj antropologii [Brother body: the problem of the body in Orthodox anthropology]. In: Vestnik Gumanitarnogo universiteta. № 3 (38). S. 136–147. DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).13. (In Russian).
12. Lobin, A. M. (2015) Avtorskie koncepcii rossijskoj istorii v ruskoj literature XXI veka [Author's concepts of Russian history in the Russian literature of the XXI century]. Ul'janovsk: Ul'janovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2015. ISBN 978-5-9795-1404-8. (In Russian).
13. Napcok, B. R. (2008) Anglijskij "gotičeskij" roman: k voprosu ob istorii i pojetike zhanra ["Gothic" novel: on the question of the history and poetics of the genre]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. № 10. S. 139–144. (In Russian).
14. Napcok, B. R. (2016) Shekspirovskie reminiscencii v "gotičeskij" tekstah [Shakespearean reminiscences in "Gothic" texts]. In: Kross-kul'turnoe prostranstvo literaturnoj i massovoj komunikacii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Majkop, 21–22 oktjabrja 2016 g.). Majkop: Adygejskij gosudarstvennyj universitet. S. 69–78. (In Russian).
15. Safron, E. A. (2022) Pojetika gorodskogo fjentezi v ruskoj literature XX — nachala XXI vekov [The poetics of urban fantasy in Russian literature of the XX — early XXI

centuries]: special'nost' 10.01.01 "Russkaja literatura": dis. ... doktora filol. nauk / Safron Elena Aleksandrovna. 437 s. (In Russian).

16. Sinicyna, N. V. (1998) Tretij Rim. Istoki i jevoljucija russoj srednevekovoj koncepcii. (XV–XVI vv.) [The Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept. (XV–XVI centuries)]. Moscow: Indrik. 416 s. (In Russian).

17. Sokolov, B. G. (2023) Postapokalipsis i postistorija [Postapocalypse and posthistory]. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija. T. 39, № 2. S. 274–288. DOI 10.21638/spbu17.2023.206. (In Russian).

18. Uspenskij, B. A. (1996) Vosprijatie istorii v Drevnej Rusi i doktrina "Moskva — tretij Rim" [Perception of history in Ancient Russia and the doctrine of "Moscow — the third Rome"]. In: Izbrannye trudy, tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Shkola "Jazyki russoj kul'tury". S. 83–123. (In Russian).

19. Farukshin, M. H. (2015) Jetnokratija: zarubezhnyj diskurs [Ethnocracy: foreign discourse]. In: Sociologicheskie issledovanija. № 4 (372). S. 44–50. (In Russian).

20. Haeckaja, E. V. (2013) Letajushhaja Tjekla [The Flying Tekla] In: Elena Haeckaja. Lisipp, ili Pesn' kozlov (roman). Letajushhaja Tjekla (povešt') (S. "Bol'shaja Fantastika"). Lugansk: Maksim, Shiko; Moscow: Snezhnyj Kom M, Veche. S. 381–510. (In Russian).

21. Chuprasova, D. S. (2018) Poezdka na front: istoricheskij turizm po sledam Pervoj mirovoj vojny (otechestvennyj i evropejskij opyt) [Trip to the front: historical tourism in the wake of the First World War (domestic and European experience)]. In: Istorija i arheologija: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Kazan', 20–23 nojabrja 2018 g.). Kazan': Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Izdatel'stvo Molodoj uchenyj". S. 18–21. (In Russian).

22. Shesterkina, N. V., Rogachev, V. I. (2020) Mifopojetika dorogi (na materiale narodnyh ruskih zagadok) [Mythopoeitics of the road (based on the material of Russian folk riddles)]. In: Vestnik slavjanskikh kul'tur. № 58. S. 138–150. DOI 10.37816/2073–9567–2020–58–138–150. (In Russian).

23. Shhukin, V. G. (2007) Mif dvorjanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russoj klassicheskoj literature [The myth of the noble nest. Geocultural research on Russian classical literature]. In: V. G. Shhukin. Rossijskij genij prosveshhenija. Issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN). S. 157–460. (In Russian).

24. Jegbert, Ja. (2010) Gosudarstvennaja transformacija na vostoce Evropy. "Vtoroe nacional'noe vozrozhdenie" ili nacionalizm, nacional'nye dvizhenija i obrazovanie nacional'nyh gosudarstv v pozdne- i postkommunisticheskoj Evrope s 1985 goda [State transformation in the East of Europe. "The Second National Renaissance" or nationalism, national movements and the formation of nation-states in late and post-communist Europe since 1985]. In: Nacionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoj Evrope: v 3 t. / [Pod obshh. red. Ja. Jegberta]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). S. 17–89. (In Russian).

25. Pionierlied. Melodie & Text — Hermann Albert von Gordon, 1915. Available at: URL: <http://ingeb.org/Lieder/argonner.html> (accessed: 22.02.2024) (In German)/

26. Walzer, M. (1983) Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y.: Basic Books. ISBN 0-465-08190-8. (In English).